

Валерий Язвицкий. Второй пик славы

Ветеран журналистики, член СЖМ Валентина Серганова на протяжении многих лет изучает жизнь и творчество писателя Валерия Язвицкого. В год празднования 100-летия Первой мировой войны Валентине Александровне довелось найти в РГАЛИ новые материалы о Валерии Иольевиче как незаурядном журналисте.

Работы Язвицкого с предисловием исследователя опубликованы в журнале «Роман-журнал XXI век» (№5, 2015).

Предлагаем публикацию нашим читателям.

«...Лежу. Проснулся. Чистая постель. Подталкивает. Приятно мне. Тепло. И я продолжаю грезить наяву. В моём окне неподвижно стоят розовые облака и лиловое небо. На мгновение, как срывом, появляются деревья и хижины и исчезают. Медленно плывёт зеленое поле, вдали голубая гора на горизонте – поворачивается тихонько. Я лежу и грежу наяву».

Позади были грохот боёв, смерти, такие простые и внезапные, неустройство и бессонница многих дней. Валерий Язвицкий возвращался с фронта из редакционной командировки. Шла малоизвестная нам всем Первая Балканская война. Локальная. Сразу добавим, что за ней последовала Вторая Балканская война – тоже локальная. А потом грянула Первая мировая, затянувшая дымом пожарищ 4 года жизни Европы.

С января по март 1913 года Валерий Язвицкий в качестве военного корреспондента солидной газеты «Утро России»

находился на болгарском фронте. Бои шли яростные – и в газету шли дорогие телеграммы, а в дневник – дорогие записи. Теперь он ехал в Софию, где ждала жена, уют дома, где можно было «отписаться».

Он пришёл в газету в конце 1911 года. Позади был курс оконченного университета в Женеве (1910 год); работа в софийской лаборатории анабиоза известного всей Европе Порфирия Ивановича Бахметьева; трудные месяцы трудоустройства после отъезда П.И.Бахметьева в Россию для чтения лекций об анабиозе россиянам (пробовал себя даже в «должности» партийного курьера).

Заметим, что сам Валерий Язвицкий после окончания Женевского университета рвался в Россию. Легально. Но ему это не удавалось. Не смог уехать и с Бахметьевым, хотя бы в качестве помощника при проведении опытов. Как участник революционных боёв 1905 года он был осуждён и сослан в Мезень. За нарушение режима ссылки ему грозило более суровое наказание: высылка на остров Моржовец в Белом море, где люди бывали только в период охоты на моржей. Бежав из Мезени, он нелегально пересек государственную границу и въезд в Россию ему был запрещён.

Судьба оказалась милостивой к этому удивительному человеку, прожившему жизнь необычайную (в один год отмечались два юбилея писателя-журналиста: 125 лет со дня рождения и 50 лет со дня смерти*), но известного нам главным образом как автора самой читаемой исторической эпопеи XX века «Иван III – государь всея Руси». Всё остальное, созданное за границей и после возвращения в Россию, несравнимо по художественным возможностям с этим грандиозным романом, написанным, что называется «на разрыв аорты»...

У Валерия Язвицкого было в жизни как бы три пика славы. Первый ещё в гимназии, когда он написал пьесу о татарской женщине под названием «Болезнь духа», весьма актуальную для Поволжья. Пьеса была одобрена и во время гастролей В.Ф. Комиссаржевской поставлена на сцене Казанского городского театра. После

премьеры на импровизированном митинге ораторы выступали с пламенными речами против семейного деспотизма, за раскрепощение женщины. По случаю успеха пьесы в Казани даже была выпущена марка с изображением юного драматурга. Вторая его пьеса «Отпетый» тоже получила хороший отзыв на конкурсе имени А.Н. Островского, но к постановке цензурой была запрещена. Валерий Иольевич писал неплохие стихи. Поэтому оказался востребованным человеком в среде женевской эмиграции, которая кучно на чужбине жила, не упрекая друг друга причинами отъезда с Родины. В Женевском клубе социал-демократов ставились пьесы Язвицкого. Он и сам выступал на сцене в качестве артиста, а также читал лекции по культурной программе в одной афише с Троцким, Алексинским, Богдановым, Луначарским. Возглавлял комиссию ЦК РСДРП (б) по оказанию помощи политэмигрантам. То есть ко второму «пику славы», уже в области журналистики, он был подготовлен всей своей жизнью.

Устройство Язвицкого собственным корреспондентом газеты «Утро России» по Южной Европе было вполне обоснованным. Он был потомственным дворянином и считал себя «человеком слова». Много знал, многое предвидел. У него был «хороший слог». Журналистика оказалась для него благодатной почвой. Читающая Россия его заметила.

Начиная с января 1912 года, газета публикует статьи за подписью Язвицкого. Не анонимные, редакционные или телеграммы, а как статьи человека имеющего своё собственное мнение о событиях: «Македонские провокации», «Двор и народ», «Болгария на пути к войне», «Русофилы», «Болгарский Пушкин», «Страна крови», «Кровавый призрак», «Война!», «Война».

И вот наступает 9 ноября 1912 года. Первая Балканская война!

Предыстория событий этой войны уходит в средневековье: южные славяне и греки оказались под турецким игом, в 1453 году – пал Константинополь, исчезла Византия – Восточная Римская империя. С трудом, и не без помощи русско-турецких войн, освободились в XIX веке из-под ига Греция, Черногория, Сербия, Болгария... Но

под протекторатом Австро-Венгрии и Турции оставались Босния, Македония, Герцеговина.

Революционные события начала XX века в самой Турции, нежелание широких масс быть населением средневековой сатрапии, привели к тому, что народно-освободительное движение славян вспыхнуло с новой силой – уж они-то подавно не хотели быть в сатрапии средневековой, угнетающей их как народы христианской веры.

Валерий Язвицкий едет на фронт, чтобы воочию увидеть эти события, а не довольствоваться сводками генштабов. Увидеть, как локальные войны меняют отношения между великими державами.

Маленькая, в ладонь, записная книжка. Её никто никогда не запрашивал в Архиве на просмотр. И мне она попала на глаз не сразу, через двадцать лет изучения материалов о Язвицком. Читать записи, сделанные на ходу или, может быть, «на борту» повозки, было очень трудно.

Северо-восточный фронт, бои у Кастенлика (названия дореволюционные). Более двух месяцев Валерий Язвицкий находится в расположении болгарских 23 и 10 полков. «Пробуждение национальной гордости – начинают свою жизнь пафосную». Так оценивает журналист бои болгар под Кастенликом. Он идет с этими полками в наступление. Записная книжка пестрит названиями, ушедшими в вечность:

«11 марта. 11 часов ночи. 10 полк – уже расположился на позиции Балгар-сарта. Была лунная ночь, что не давало возможности растеряться, принять своих за чужих.

4 утра 12 марта. Дошли до проволочных заграждений. Стреляли в это время во Мал-тепе. Пошли к Мал-тепе незамеченными, секреты турок плохи. Взят Мал-тепе без сопротивления.

12 марта. 11.30 ночи снова начали атаку с восхода месяца. После первых успехов уже не боялись, шли медленно, с объездами и проверкой заграждений. Перед атакой солдаты отказались от водки.

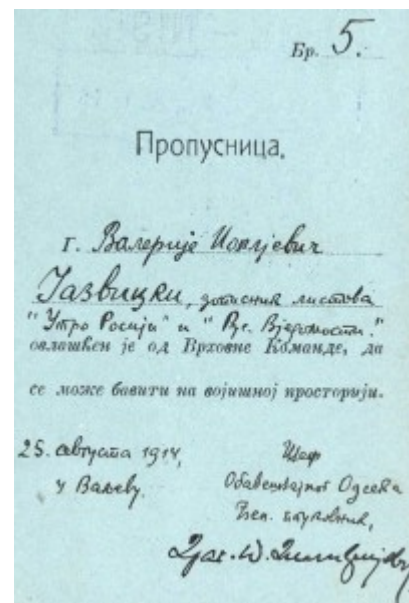
– Трезвыми лучше.

Вероятно, помнили 27 января – турки делали вылазки совсем пьяными. Некоторые, упав в окопы, не могли подняться.

Первым был взят Аджиджолу.

К 5 часам утра артиллерия с громадными потерями была уже стянута к Аджиджолу.

10 полк атаковала Айваз-баба.

23 полк занял весь Северо-восточный фронт.

Увидев бегство полевой прислуги, убежали турки с фортов.

Кастенлик взят. Взятые все форты».

И вот 13 марта. Отчетливо и красиво выписанная дата. Язвинский едет в спальном вагоне. Он видел все сам. Большой отрезок этой войны, важные события, которые определили раздел завоеванных территорий. «Сербы хотят аннулировать договор, и даже дали ноту». В чем же дело? Македония вся отошла к Болгарии: но – ещё добавление:

«Болгары никогда не думали о разделе Македонии, потому что всегда хотели автономии, рассчитывая о ее включении. Сербы боялись этого.

Македонцы готовились к революции».

Хрупкий Лондонский договор – только на месяц.

Теперь подобные события происходят на наших глазах и касаются нас самих, живущих на сто лет позднее. Замеченное смелым журналистом как-то по-особому трогает именно теперь и вызывает ответное чувство.

За свои майские публикации Валерий Язвический получил гонорар по высшей ставке: по 15 рублей за строку (обычная ставка – 10, без подписи – 5 рублей). Так были оценены его «Союзники», «Алтарь», «Казни греков», «Кто победит», «В обход Австрии», а также драматичное повествование «Болгарская Мессина», о жутком землетрясении на юге Болгарии. Как бы о предзнаменовании гнева Господнего на славянское недружество, а когда-то, скреплённое трудами Кирилла и Мефодия, дружество и любовь.

Вторая Балканская война началась 29.06.1913 года. До января 1914 года имя Валерия Язвического не появлялось в газетных номерах, хотя в редакционных отчетах значатся его статьи и фотографии.

Во время Первой мировой войны Язвический – военный корреспондент газеты «Утро России» в Сербии. Болгария стала союзницей Германии. Сербские войска держали фронт против австрийцев. В сентябре 1914 года Язвическому удаётся получить разрешение от правительства Сербии на въезд во фронтовую зону и посещение боевых позиций. Прессу Европы волновали необоснованная жестокость австрийских войск и использование ими бризантных снарядов малого калибра, запрещенных международной конвенцией.

Всё, что Валерий Язвицкий увидел своими глазами, он описал в восьми очерках, предлагаемых вниманию читателей (опубликованы в газетах за подписью «Верус»). Они тоже написаны на «разрыв аорты». Это второй пик славы писателя и журналиста, о котором мы узнали только спустя целое столетие!

И еще небольшое добавление. В Архиве сохранилась визитная карточка Валерия Язвицкого от 1916 года. На ней значится:

«Валерий Иоильевич Язвицкий
Секретарь редакции «Утро России»
Телефон № 3 – 88 – 82, от 3 до 4 часов дня».

В Россию Валерий Язвицкий всё-таки въехал. Легально. Февральская революция дала амнистию всем политэмигрантам.

Валентина Серганова

В СЕРБСКИХ ОКОПАХ. Война 1914 года

30 сентября – 29 октября 1914 года

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

С момента переезда сербо-болгарской границы я себя почувствовал дома. В окна вагонов замелькали знакомые пейзажи. Настолько знакомые, что временами казалось – едешь по Южной России. Повсюду зеленеют рощи, мелькают фруктовые сады. Синие от слив. Резко бросаются в глаза белые чистые хаты. Около которых зеленеют садики, а из-за плетней выглядывают жёлтые подсолнухи и стройные стебли разноцветной мальвы. Вдоль дорог,

проложенных среди кукурузы и виноградников, медлительно шагают вола, влача телеги, а впереди этих четвероногих тружеников, меланхолично посасывая «мулу» (трубку) идет ни дать ни взять какой-нибудь Салопий или Тарас в белых портах «чачах», белой рубахе и меховой шапке. Даже характерные для Малороссии тополя стоят то там, то сям как зеленые свечи. Народ характером похож на наших хохлов – живой, веселый, поющий песни с утра до вечера...

Но в это время, когда я проезжал по Сербии, мирные пейзажи в большинстве случаев казались таковыми только издали. Около каждой станции поезд встречали старики крестьяне, вооруженные ружьями; весь служебный персонал оказывался одетым в военную форму; на товарных платформах стояли обозные повозки или грозно выставлялись пушки и митральезы. На каждой станции в поезд ломались толпы солдат, торопившихся к местам сборов. Они набивались в вагоны, теснились на площадках, забирались на крыши, но все были веселы, шутили, смеялись. И чем ближе подъезжал к Главной квартире, тем больше и больше страна казалась сплошным военным лагерем. В вагонах всё время стоял гул разговоров. Публика, узнав, что я русский, засыпает меня всевозможными вопросами.

– Сколько войска в России?

– Придут ли казаки в Сербию на помощь?..

– Нападут ли болгары сзади на Сербию?..

Не успеваешь отвечать, а вопрошающие уже сами заводят речи.

– Болгары, они – народ татарский, они против России и против Сербии, – внушительно разъясняет мне один старик. – Вы, русские, люди добрые, вы всем верите, а болгарам напрасно вот поверили. Мы им не верим – они с турками заодно.

– Мы без России совсем духом упали, – подхватывает другой, – а как узнали, что наша матушка пошла, тут нам и сам чёрт стал не страшен, не только кесарь Франья...

– Живио Русия.

-Эх, – сожалеет старик, – если бы болгары умны были, ударили бы с нами заодно на швабов. Разделали бы мы их, Болгары солдаты добрые...

– Ничего и без них обойдёмся. Россия с нами, а то опять будут говорить, что без них мы ничего не стоили.

– Хочу поговорить с тобой толком, – опять вступает старик, – да не могу: не умею по-русски. Далеко мы от вас, всё с швабами да швабами, а русских никогда и не видели...

На одной из станций у меня пересадка, и я расстаюсь со своими спутниками. Они крепко жмут мне руки, как родному, и провожают с самыми добрыми пожеланиями. Уже вечереет, когда я спускаюсь на перрон небольшой «станции», иду к коменданту, комендант встречает меня сурово, говорит неохотно, но как только узнает, что я русский, немедленно приглашает к себе в комнату, где знакомит с полицейским комиссаром, и они сообща выбирают мне поезд. Но при всей их любезности они могут отправить меня дальше только на другой день.

Я покоряюсь своей участи и иду в уездный городишко Младеновац, приютивший около себя полустанок. Дорогой я делаю печальное открытие: у меня нет ни одной папиросы. Иду по разным лавочкам и «траху дуван», но нигде ничего не нахожу. Наконец передо мной – «большой магазин». Вхожу:

– Добр дан! Има цигари?

– Дуван.

Оказывается – есть, но только самые плохие сорта – махорка. Мирюсь и с этим.

– А кто вы такой? Чех?

– Нет, я – русский...

– Рус? Чекай те маль. Я имам за себе добри цигари... Я дам вам несколько коробок...

Хозяин бежит в свое помещение и приносит мне шесть «кутий» лучших папирос. Набившиеся в лавку солдатики протестуют, но узнав, что я русский, вполне одобряют хозяина и отказываются от моего предложения уступить несколько коробок самым решительным образом...

Уже смеркалось, как я, наговорившись с моими новыми знакомыми на разные темы и выпив «црной кафы», вернулся на станцию. Здесь меня встретил комиссар и предложил проводить в «кафанэ» – поужинать, пригласив ночевать у себя в квартире. Сам он был из Белграда и жил здесь временно, снимая комнату у местного парикмахера. У него в комнате было две кровати, и он одну из них предложил мне.

Вечером, после ужина, мы пришли на ночлег. Нас встретила уже немолодая женщина и на заявление комиссара, что у него будет ночевать гость, особой радости не проявила. Я сел на стул у небольшого круглого столика, а хозяйка принялась взбивать перину и стлать постель.

– А знаешь, гость-то мой – русский.

Хозяйка бросила работу, обернулась ко мне и спросила:

– Правда? А ну-ка встань, я на тебя посмотрю.

Я встал. Она обошла вокруг меня и заявила, намекая на мой высокий рост:

– О, если все русские – такие, то мы швабов не боимся. Слава Богу, привелось и мне русского повидать. Знаешь, мой муж на войну пошёл, а когда вернется, я ему скажу, что у нас русский ночевал...

Она засуетилась и, обращаясь к комиссару, с добродушной бесцеремонностью потребовала:

– Дай эту подушку для гостя, она помягче, а я тебе другую принесу.

Потом я видел, как не раз, пока мы пили горячий шербет, отодвигалась осторожно занавеска, и хозяйка разглядывала меня.

Оставив гостеприимный городок, я двинулся дальше. И чем ближе я подъезжал к Нишу, тем больше чувствовал, как меня захватывает общее настроение, как я сливаюсь с этим маленьким народом, который вижу впервые, но который показался сразу таким близким и родным.

ОТ НИША ДО ВАЛЕВА

В начале сентября мне удалось попасть на позиции. Для этого должен был явиться в Главную квартиру, расположенную в Валева, и получить специальное разрешение. Это было как раз после неудачной попытки сербов перейти Саву, давшей австрийцам возможность снова ворваться в северо-западную часть Сербии. Австрийцы воспользовались этой оплошностью и всеми силами навалились на Дринский фронт, стараясь между Зворником и Любовицей перейти сербскую границу и, заняв Валево, отрезать сербов, спешно отступивших за Саву. К счастью, этот замысел не удался австрийским генералам, ибо им пришлось столкнуться хотя и со слабыми сербскими отрядами, но предпочитавшими смерть иноземному игу.

С невероятным напряжением сил сербы перебросились к Валеву и Крупани, где их войскам приходилось прямо с дороги идти в бой. Но любовь сильнее смерти, а любовь к Родине сильнее всего. Голодные, усталые войска, но хорошо помнящие те ужасы, какими австрийцы наводнили Сербию, – бросились на врага с такой стремительной отвагой, что австрийцы подались и принуждены были отступить и от Любовицы, и от Завлаки к самому берегу Дрины. При этом сербам пришлось выдержать особенно ожесточенную схватку у Крупани на высоте Мачкин Камак. Здесь,

между прочим, ранен и королевич Георгий, не удержавшийся в трудную минуту и ринувшийся со своим батальоном в атаку. И вот как раз после этого славного дела я прибыл в Валево.

Станции за три до этого города я был свидетелем трогательной сцены. Нам встретился поезд раненого королевича. На станции стояла толпа с цветами, но в вагон с занавешенными окнами никого не пускали, только передали цветы.

– Вот он, наш юнак!

Голос прозвучал сдержанными слезами.

– Ничего, – ответил другой, – Бог даст, скоро опять пойдет драться. Не оставит Бог Сербии...

И когда поезд тронулся, долго толпа стояла и смотрела вслед, а некоторые женщины плакали – ведь у каждой из них был свой юнак, который, может быть, так же ранен или лежит уже в матушке сырой земле...

Сделалось грустно, и когда на других станциях еще разъехались с нами несколько поездов с ранеными – война почувствовалась очень близко. К тому же и денёк выдался тихий, но серый, и время от времени моросил еле заметный дождичек, заволакивая окрестности в траурный тюль.

В Валево я приехал ночью и прямо отправился к знакомому почтовому чиновнику, у которого останавливался в первый приезд. Но ввиду позднего времени не мог достучаться. Пришлось искать ночлега в другом месте. Началось скитание по мокрым улицам, пришлось мокнуть под дождем, лившим как из ведра. Однако непогода не мешала жить городу шумной лихорадочной жизнью. По мостовым гремели повозки, запрудив все улицы, шли люди, в воздухе висел несмолкаемый шум, Это отправлялись обозы, привозили раненых, главным образом тяжелораненых, а легкораненые шли пешком, хромя и опираясь на палки, шли с забинтованными головами и руками. Из повозок доносились стоны, которые как-то жутко сливались с мраком дождливой ночи, с

запахом йодоформа, с запахом запекшейся крови, гноящихся ран и острым букетом пота людей, много дней не сменявших одежды. Мне, голодному и усталому, не спавшему две ночи, вся эта обстановка показалась кошмаром. Совершенно подавленный страданиями такого множества людей, я попытался найти себе какой-нибудь уголок, чтобы немного отдохнуть от этих ужасов. Но когда я заглянул в отели, меня охватила тоска. Громадные залы ресторанов везде были устланы соломой и на ней вповалку, плечо к плечу, лежали раненые солдаты, стона и ворочаясь от боли. Из дверей бил в лицо теплый вонючий воздух, отзывавший йодоформом и ранами.

– Не только номеров нет, – говорили мне кельнеры, – но даже поесть вам нечего...

Я обошел все гостиницы, и везде одна и та же картина. Около отелей, церквей, школ теснятся повозки, из которых выносят на носилках раненых, бледных, с заострившимися чертами лица. Я чувствую, как нервы мои натягиваются, жалость к этому бедному маленькому народу охватывает душу! Я вглядываюсь в лица раненых – среди них и молодые, безусые, и старые, обрамленные сединами. Здесь весь народ бьется за свою Родину, бьется, напрягая все силы, чтобы освободить родные места от дикой орды культурных варваров! Я не пытаюсь заговорить с этими страдальцами, я молча предлагаю им папиросы, которые они хватают с жадностью, тут же закуривая. И мне казалось, что когда начинала тлеть в их устах папироса, их страдания немного смягчались...

Совершенно разбитый, я еще долго ходил по городу, пока кельнер одного из ресторанов не предложил мне ночевать у него. Я радостно принял предложение. У меня оказался компаньон – элегантно одетый молодой человек, поразивший меня однако своим глубоко печальным видом, нервными передергиваниями бледного лица. Мы познакомились и молча пошли куда-то на окраину города, шлепая по грязи. В убогой комнате кельнера лицо моего знакомого при свете колеблющейся свечи показалось прямо ужасным, особенно глаза, имевшие какое-то ненормальное

выражение. Я не выдержал и спросил:

– Вы больны?

– Нет.

Он замолчал, а лицо его передёрнулось судорогой. Я стал раздеваться.

– Видите ли, – вдруг заговорил он дрожащим голосом, не смотря на меня, – я из Шабаци...

– Вы были ранены?

-Нет. Я тамошний миллионер, – заговорил он быстро, будто хотел освободиться от какого-то кошмара, тяготевшего над ним. – Я вдовец, детей у меня нет. Есть братья – они на войне. Был отец – старик...

Голос его пресёкся и по щекам потекли слёзы.

– Извините... Не могу...

Немного погодя он оправился:

– Конечно, это личное горе, оно капля в море... Но зачем они это сделали?!

Он вскочил и выкрикнул последние слова.

– Знаете, меня не было дома, я был в Нише, когда австрийцы нахлынули в Мачку, захватили Шабаци. Вся прислуга разбежалась, отца оставили одного... У него были парализованы ноги и он пять лет не сходи с кресла... И вот, когда наши прогнали австрийцев, я поехал к себе... Мой дом был разрушен, сожжен, ну да это пустяки, я богат, я могу новый построить... Но знаете... Вы можете представить...

Он остановился и закрыл лицо руками.

– Ну что им сделал мой старик?! Я нашёл его с перерезанным

горлом, с выскочившим правым глазом – вероятно удар прикладом...

Я услышал глухие всхлипывания, и мой собеседник нервно забегал по комнате, от кого-то отмахиваясь руками...

Я хотел сказать ему что-нибудь, но почувствовал, как слёзы бежали по моим щекам, чувствовал все своё бессилие перед ужасами, перед бездной человеческого горя. Я знал, что это не единичный случай, я знал, что ещё много и много людей в этой героически борющейся Сербии видели подобные ужасы и так же оплакивали своих близких...

Очевидно облегченный своим рассказом, мой случайный знакомый забрался в постель, и я долго сквозь сон слышал его вздохи и бормотанья, слившиеся с шумом дождя, бившего в стекла. Сердце болезненно ныло, а в голове мелькали гордые слова, начертанные германцами и австрийцами на своих орудиях: «Pro gloria et patria!».

НЕПРИЯТЕЛЬСКИЙ АЭРОПЛАН

На другой день погода немного поправилась, и сквозь серые клочья туч кое-где выглянуло синее небо.

Расплатившись с кельнером, приютившим меня на ночь, я отправился к своему прежнему хозяину и, к счастью, нашёл у него для себя место в чистом и убранном домике. Кое-как закусив, отправился в Главную квартиру – просить разрешения выехать на позиции. Но как только я вышел на улицу, был поражен суматохой и бессмысленной беготней обывателей. Особенно волновались женщины. Солдаты держали наготове ружья и смотрели вверх. Я тоже взглянул и в этот момент ясно услышал хорошо мне знакомое жужжание аэроплана. Высоко вверху плавно неслась красивая машина, постепенно опускаясь. Вот уже аэроплан несётся над городом, заметно суживая круги. Какая-то еле заметная точка отделилась от него и мелькнула в воздухе.

– Бомба!..

Со всех сторон затрещали ружья, стреляли вразброд и случайными залпами. Всеми овладела боевая лихорадка. Я видел, что некоторые стреляли даже из браунингов. По улицам носился вихрь криков, смыкавшийся с трескотней ружей. Но вот где-то на окраинах города пронёсся глухой гул, сопровождаемый какими-то отрывочными вздохами, а над аэропланом и около него начали вспыхивать слабые огоньки, сопровождаемые бело-коричневым дымом и оглушительным треском.

– Шрапнель!

Аэроплан заметался в воздухе зигзагами и, выйдя из огня, быстро стал подниматься и уходить в сторону.

– К Зворнику полетел, – заговорили в толпе.

Стрельба мало-помалу прекратилась, но город долгое время еще гудел как растревоженный улей. После оказалось, что с аэроплана были брошены не бомбы, а две гранаты старой конструкции.

Одна из них упала около вокзала, но не разорвалась, а другая, попав в крышу больницы Красного Креста, снесла несколько черепиц, чем и ограничилась её разрушительная сила...

Но странное дело! Когда я смотрел на этот неприятельский аэроплан, слушал беспорядочную стрельбу, – я никак не мог ясно почувствовать, что это – война. Мне казалось, что происходит какое-то представление, что это несерьезно, что это так, как в синематографе. Мирные улицы, мирного города, открытые магазины, запах жарящихся «шбабчий» (особый вид сосисок), женщины и дети на улицах – всё это так противоречило понятию о войне, что и австрийский аэроплан, и бомбы, и шрапнель как-то не укладывались в голове и наперекор действительности казались – инсценировкой. Тем более что всё произошло очень быстро, и когда прекратилось жужжание мотора, а аэроплан скрылся за горами, окружающими Валево, в городе все стало обыденно. Около

меня звонким голосом закричала крестьянка:

– Сладки крушки! (груши).

Забегали мальчишки-газетчики:

– «Ратни дневник»!

– «Велика Сербия»!

Кто-то стучал кружкой по столу у ресторана и громко требовал пива. Гремели «колы», запряженные волами, а толпа любопытных собралась на углу улицы, привлеченная новым зрелищем. Там провозили бронзовые пушки, взятые в плен у австрийцев...

Еще несколько минут – и аэроплан позабыли. Я отправился в Главную квартиру. Здесь меня ожидал довольно неприятный сюрприз. Сначала мне сказали, что я могу ехать когда угодно, но узнав, что я скоро уезжаю из Сербии, категорически отказали.

– Впрочем, – утешал меня полковник Дмитриевич, заведующий военной цензурой, – если вы получите специальную рекомендацию Пашича, вас пустят.

– А Пашич здесь?

– Здесь.

Я бросился разыскивать сербского премьер-министра. Пашича я знал лично, ехал с ним первый раз в Главную квартиру и всегда, как и все русские корреспонденты, встречал с его стороны самое любезное содействие. Но, увы, Пашич:

– Всего час как уехал в Ниш.

Я отправился к нашему военному атташе г-ну Артамонову, послал срочную телеграмму в Ниш нашему управляющему легацией г-ну Штрандтману и, благодаря их исключительной внимательности и обязательности, я в тот же день получил «объявку», разрешающую мне пробыть несколько дней на передовых позициях:

– Ради упознания с нашим войском на боишту.

Я поблагодарил и бросился укладываться, закупать всё нужное. Надо было всё приготовить к пяти часам утра, когда отправлялся экипаж с интендантом в Третью армию. Меня вручили этому коменданту для передачи генералу Юришичу...

По дороге домой я встретил похоронную процессию – явление теперь здесь довольно обычное, но этот раз оставившее в душе у меня сильный след. В процессии участвовала лошадь покойного, как оказалось, полкового командира полковника Пурича. Эту лошадь вел солдат, уже немолодой, с посеребрёнными усами. Он плакал. Я подошел к нему.

– Кого хоронят?

– Нашего полковника. Был человек, а другого такого нет...

– Где убит?

– На Крупани. Прямо в сердце пулей ударило... смелый был – всегда впереди... Последний раз пошли мы на юриш (в атаку), а он впереди. Видит – один из наших замешкался и говорит: «Эй, чача (дяденька), дай-ка мне свою винтовку. Тебе, видно, неохота идти, а мне она пригодится...» Тот так зашагал, как ветром понесло... Прошло минут пять, а наш полковник вдруг дрогнул и стал падать. Я подхватил его, а он уже умер...

Солдат утирает слёзы и смолкает. Тоскливо гремит музыка, опять посеялся дождик... Иду дальше, нужно купить консервы, тёплой одежды, чтобы можно было спать в поле. А через полчаса, когда я иду домой с покупками, в мокром воздухе прокатывается отдалённый залп – это опустили в могилу одного из героев сербской кровавой эпопеи. Но там, далеко, идёт упорная борьба и в тихие часы, когда на время смолкает город, сюда долетает гул канонады. Там, далеко, сражаются, и меня всё больше и большее влечёт туда. Это влечение охватывает всю душу и в ней уже нет места для грусти...

– Завтра я еду!

Я весь во власти одной мысли.

КРОВАВЫЕ ПОЛЯ ПРИБЛИЖАЮТСЯ

Утро было серое. День только что поборол ночь, и его лучи, с трудом пробиваясь сквозь тучи, тускло осветили грязные мокрые дороги, избитые обозами, идущими без конца от Главной квартиры на позиции. Мой спутник интендант, оказавшийся учителем гимназии, г-н Попович, призванный только неделю назад на военную службу, был настроен очень хорошо и всё время давал мне объяснения:

– Видите эти ямы? Это от тяжёлой артиллерии. Беда просто, до сих пор дороги нельзя исправить. Ещё вот походные кухни – они, пожалуй, тяжелее пушек. Слава Богу, у нас волю. Запрягут пары три – они и вызволяют...

Действительно, когда мы проехали километров десять, нам попало пленное австрийское орудие, направляемое в Валево для ремонта. Оно стояло в выбоине, а шестерка волов, от которых валил пар, выбивалась из сил, чтобы его вытянуть из глинистой грязи. Лошади здесь оказались бы совершенно бессильными, тем более что весь путь до австрийской границы, и к Дрине и к Саве, проходит по бесчисленным грядам холмов и гор. Непрерывно приходится то спускаться, то подниматься. Зато эта часть Сербии поразительно красива. С каждым движением экипажа меняется окружающая панорама, разворачиваются новые и новые картины. Особенно красивы белоснежные домики, то там, то сям мелькающие между стройными тополями и величественными буками. Я залюбовался природой в этот момент, тем более что полог туч разорвался на несколько минут и горы, одетые лесами, улыбнулись под неожиданной лаской золотой осени... Как-то всё не верилось в войну. Но вот наш экипаж остановился: навстречу шла пустая «комора» (обоз), подвозившая раненых. Надо было дать дорогу.

– Што, пуцают? (стреляют) – спрашивает мой спутник.

– Слушай.

Мы прислушиваемся, и до нас долетает далёкое буханье орудий, тысячу раз отражённое горами. Кажется, что где-то выбивают палками сотни тяжёлых одеял.

– Так и днем и ночью, без остановки, – поясняет наш кучер, оборачиваясь к нам.

Скрипя и хлюпая по грязи, медленно проползает мимо нас «комора», мелькают перед нами бледно-зеленые лица тяжелораненых, перекошенные непередаваемыми страданиями от толчков и встряхиваний телег.

Особенно поразил меня один раненый. Голова его была закутана в кровавые тряпки. Он лежал пластом на соломе. Живот его тоже был завязан. И из этих кровавых тряпок всё время несся плачущий стонящий голос, как у смертельно испуганного ребёнка:

-О, майка моя!.. Полако (полегче). О, майка моя...

Мне и сейчас мерещится этот голос.

– Кровавые поля надвигаются, – подумал я, прислушиваясь к непрерывному грохоту орудий...

С каждым километром это чувствовалось яснее и яснее.

– А вот видите вдоль дорог каменные плиты? – перебил мои мысли г-н Попович.

– Надгробные памятники?

– Нет, это родственники или друзья убитого в бою ставят в его честь.

«Стой, спутник! Обнажи голову и прочитай о том, в память которого поставлены эти плиты. Это Драгутин Живкович из села Каменец. Родился он в 1881 году, а славно почил, защищая

родину, на Брегольнице в 1913 году...».

Когда я рассматривал эту надпись, к нам подошли легкораненые, идущие пешком.

– Почему же вас не везут?.. – возмутился мой спутник.

– Подвод нет, – спокойно отвечали раненые, – время такое. Дай Бог, чтоб тяжелораненым хватило, а мы и пешком можем.

– Всё это не беда, – обратился один из них ко мне, – только бы швабов выгнать – всё перетерпим.

И они идут хромя и ковыляя, помогая друг другу, с шутками и прибаутками.

– А ты знаешь, что кричит один из них, узнав, что мой спутник – интендант: « Скажи там, чтобы хлеба вдоль опушки клали. Вода у нас есть, ручьёв у нас везде много – вот и будем сами кормиться!..»

Скоро по дороге нам встретился «хан» (корчма), и наш возница завернул туда, давно «тражил» сена для лошадей, а для себя «сливицы» (сливовой водки).

Здесь мы встретились с двумя солдатами в грязных обтрепанных костюмах. Интендант мой их радостно приветствовал и подвёл ко мне.

– Посмотрите, каковы! – говорил он. – Это вот мой товарищ – учитель, а этот – судья.

Оказалось, что эти рядовые в простых «опанках»» (кожаные лапти) – четники.

– Костюм у нас неказистый, – сказал, смеясь, судья, – трое судок пришлось спать под открытым небом прямо на земле... Война, ничего не поделаешь!

Мы поболтали немного, выпив по чашечке «црной кафы», распростились друзьями. Вообще сербы легко и просто сходятся с

людьми.

Следующая наша остановка была в селе Осечене. Здесь уже совсем отчетливо раздавался гул орудий, и можно даже было разобрать, когда стреляли батареями.

Здесь несколько палаток Красного Креста, горы пустых патронных ящиков и обозы, обозы без конца. Здесь мне впервые пришлось встретиться с четвероногими ранеными. Когда мы выезжали из села, нам навстречу провели около десятка лошадей. Умные благородные животные, хромя и спотыкаясь, медленно брели друг за другом, низко опустив головы. От них пахло гноем и йодоформом; на последнем – выступившие жёлтые пятна указывали места ранений. На километр дальше в канаве около дороги мы увидели одну недошедшую лошадку. Беднягу, вероятно, пристрелили. Она лежала неподвижно, только бока еле заметно ходили, показывая, что в ней ещё теплится последняя искра жизни. А кругом уже каркали вороны, и на шее обозначилась кровавая полоса от их клювов. Картина ужасная. Ещё километр, и перед нами зачастили правильные ряды невысоких свежих могил с деревянными крестиками в головах. Попадались по двадцати, по сорока могил сразу. Сербские герои обильно платили своей родной земле.

– Посмотрите на кукурузу, – говорит мне мой спутник, – видите широкую дорогу прямо с гор по целине – это шли войска. Обыкновенно идут напрямик, выбирая кратчайшее расстояние.

В конце этой дороги, под огромными буками, мы увидели двух привязанных лошадей со сплошь пожелтевшими от грязи спинами. Это растёрло пулемётами, лошади шли на отдых. Недалеко от них, навалив в грязь стеблей кукурузы, спал мёртвым сном солдат.

– Видишь, как уморился, – замечает наш кучер, – почитай, ночи три не спал...

Треща и прыгая по ухабам, катился наш экипаж дальше и дальше. Всё отчётливее гремят выстрелы.

– Через полчаса мы в штабе Третьей армии, – заявляет г-н Попович, – в Завлаке.

По дороге попадаются длинные рвы, опоясывающие склоны холмов.

– Тут австрийцы были, – говорит возница, – указывая кнутом. – Отсюда мы их выбили. И Завлака была в их руках.

Зачастили опять солдатские могилы, молчаливые свидетели кровавой борьбы...

Понемногу вечерело, и тучи перед закатом опускались куда-то за горизонт, как занавес открывая лучезарное небо...

Из-за излучины дороги показалось село Завлака. Это уже зона боевых операций. Здесь я должен представиться генералу Юришичу, который отправит меня на передовые позиции, туда, где сейчас непрерывно режут и бухают орудия, сотрясая вечерний воздух.

ЗАВЛАКА

В Завлаке, где находился тогда штаб Третьей армии, меня встретили в высшей степени радушно. Но особенное впечатление на меня произвела высокая угловатая фигура самого генерала Юришича, как-то по типу и манерам резко отличающуюся от сербских офицеров. За офицерским столом во время ужина прикомандированный ко мне майор Валькович рассказал о своём начальнике очень интересные сведения. Оказывается! Генерал Юришич, тридцать лет тому назад поступивший на сербскую службу, не кто иной как прусский офицер. Он до того сроднился и сжился с Сербией, что был одним из преданнейших её сынов. Во время ужина я был свидетелем многих пикантных пассажей, когда полковник Мишич, душа офицерского общества, разглагольствовал насчёт политики, ругал немцев, острил на их счёт, мой Sturm-генерал подливал масла в огонь его «неожиданных эпитаграмм» и весело хохотал вместе со всей офицерской семьёй. Вообще этот

ужин был в высшей степени оригинален, и мне пришлось в первый раз слушать вместо тушей сплошной гул орудий, доносившийся с берегов Дрины и Савы.

После ужина меня познакомили со старичком полковником, военным доктором Светозаром Арсеньевичем. Я должен был переночевать в его помещении, так как ночью путешествовать не полагается.

Помесив немного грязи, мы остановились перед небольшим домиком. Здесь была квартира доктора. Доктор поделился со мной одеялами, и мы, улегшись в постели, завели по обыкновению разговоры. И вот передо мной опять начали вырастать кровавые кошмары. Всего недели две тому назад Завлака была в руках австрийцев. Доктор указал на потолок комнаты, где зияла огромная дыра, замазанная кое-как глиной.

– Австрийский снаряд. Все стены были исцарапаны осколками, верхушка изразцовой печи сбита, как срезана.

Он помолчал.

– Здесь, на мосту, который мы переходили, мы натолкнулись на ужасное зрелище. Там лежало несколько трупов. Пожилые мужчина и женщина, зверски убитые и связанные верёвками, а к ним привязана убитая молодая девушка, рядом с ней, на той же верёвке, труп ребёнка, а к ребёнку привязан труп собаки... Очевидно, это была какая-то демонстрация.

Старик сильно волнуется.

– И кто бы мог подумать, – продолжает он, – я сам австрийский воспитанник, относился всегда с благоговением к немецкой культуре, но теперь, теперь... Будь она проклята!..

Мы долго говорили на эти темы, пока не уснули, убаюканные всё тем же непрерывным буханьем пушек.

На другой день я проснулся, когда солнце уже заливало светом нашу искалеченную комнату. Доктора не было. Услышав, что я встаю, ко мне явился денщик. Он помог мне одеться, умыться и

когда я сел за стол, чтобы набросать свои впечатления вчерашнего дня, он осторожно поставил рядом с чернильницей чашечку чёрного кофе. Это послужило сигналом для наших разговоров. Говорили, конечно, о войне, а так как денщик знал, что я русский, то и о России.

– Мы ничего не боимся, говорил он, – не одни бьёмся, а с Россией. Погибать, так погибать – не одни, всё равно нам без России жить нельзя. Но, даст Бог, мы победим... – Вот ведь, – продолжал он, – всё тут было захвачено швабами, а мы их прогнали. Рядом здесь дом – крыша у него провалилась. Это когда наши наступали, австрийцы подняли два пулемёта и стреляли. Только крыша-то под ними рухнула...

– А где это стреляют? – спросил я, прислушиваясь к пушечной канонаде, которая заметно усиливалась.

– Под Шабацем и под Гучева планина, – спокойно ответил денщик.
– Вот уже три недели так.

В это время в комнату вошёл майор Валькович и сообщил, что через полчаса мы едем. Он должен был передать меня генералу Рашичу, командовавшему так называемой «комбинированной дивизией», расположенной частью на Гучевой горе, частью в Ядринской долине.

Я начал собираться, а также отправился, пока готовили экипаж, проститься с офицерами и поблагодарить генерала Юришича за гостеприимство и любезность.

Когда мы выезжали из Завлаки, моё внимание невольно привлекла группа детей, оборванных, босоногих, но весело игравших в свои игры. Их не смущала ни канонада, ни война, они видели необычайное оживление в своей Завлаке и тоже «играли в войну», как играли, по их мнению, взрослые.

К счастью, эти дети не были во время нашествия австрийцев, их родители бежали заблаговременно, а теперь возвратились вместе с сербскими войсками. Впрочем, мне самому пришлось во время

пути не раз встречать несчастные семьи, состоящие главным образом из женщин и детей, которые, как цыгане, переходили с места на место. Сначала волна этих горемык катилась от австрийцев, теперь они идут за своими войсками, кое-где исправляя свои разорения, если ещё можно их исправить.

Таких несчастных мы встретили и по дороге к передовым позициям.

– Что они пережили, – говорил мне майор, – это прямо ужасно. Кроме нравственных мук – полное разорение. Жилища разрушены, кукуруза вытоптана...

Опять закапал мелкий осенний дождь, ещё больше размачивая грязные дороги, по которым уныло шагали женщины с детьми на руках, а за ними плелись неизменные сербские волы с «колой», навьюченной всяким скарбом...

На каждом шагу стали попадаться картины разрушения. То хата с выбитыми окнами и разнётанной крышей, то вытопанные поля, то конские трупы, наполовину обглоданные собаками. Чаше и чаще попадались обозы, палатки Красного Креста, кучи пустых ящиков ружейной и артиллерийской амуниции. С каждым километром усиливался гул орудий, и меня всё больше и больше охватывало волнение: «Вот сейчас, здесь, я увижу что-то грозное и страшное, имя чему – Война!»

Но вот мы уже ли к штабу дивизии, который всего в двух километрах от линии окопов, а войны ещё не видно. Правда, эти два километра были не по гладкому полю, а на протяжении их возвышалось несколько групп холмов. Здесь уже настоящий военный лагерь. Отдыхающие и резервные части войск расположены в палатках, сам генерал тоже в палатке. Сюда я попал прямо к обеду. Генерал Рашич, французский воспитанник, совершенно седой человек, представляет собой олицетворённое радушие, какое бывает у старых вояк, сумевших наряду с чертами, наложенными военной профессией, сохранить сердечную теплоту.

Угостив меня на славу под тесовым навесом, сбитым на живую

руку, где обедал со своим штабом, генерал отправился отдыхать, прикомандировав предварительно ко мне майора Тадича.

– Он поведёт вас всюду, - сказал он, – и вы сможете увидеть всё, что пожелаете.

Через четверть часа я выехал с майором на позиции.

ПОЛЯ СМЕРТИ

Ещё за обедом генерал мне сказал:

– Сегодня ночью австрийцы сделали семь атак в штыки, но были отбиты. Австрийский генерал просил перемирия на четыре часа, для погребения убитых, но я согласился всего на два.

Мне хотелось повидать это поле смерти. По ту сторону Гучева планина, за верхом Эминэ-води.

Начинаются австрийские окопы. Отсюда они уже не первую ночь делают отчаянные натиски, чтобы согнать сербов с хребта, подкрепить своих, занявших другую вершину этой же горы – Чернет верх.

В ночь накануне моего приезда была одна из самых сильных атак. Не особенно крутой склон на протяжении немногих саженей от хребта до первых австрийских траншей был устлан трупами, лежавшими в самых разнообразных позах. Это было то же зрелище, что представляли раненые валеvских ресторанов, только с той разницей, что уже не ворочались и не стонали, а были недвижны, казались скорее куклами, чем людьми. Тут же около них копошились синие мундиры австрийских солдат, рывших могилы...

Всё это происходило среди бела дня, при свете солнца, но всё уже казалось невероятным. Особенно не верилось, что вот эти люди, копающие могилы, может быть, превратятся в не людей, а в такие же застывшие манекены, и следующие по очереди будут закапывать их в землю. Но этим трагичность положения не

ограничивается. Оказывается – с обеих сторон дерутся сербы. Разница только в форменной одежде.

Обыкновенно австрийские полки строятся в таком порядке: первые батальоны – сербские, вторые – хорватские, третьи – чешские, а последние – или немецкие или венгерские.

Артиллерия тоже в руках немцев. Словом, славяне потребляют друг друга под присмотром немцев. Славянами буквально «удобряют почву».

Часто враги перекрикиваются, ругаются, иногда острят, шутят. Мне рассказывали солдатики о таких сценах. Вчера, например, к ним в окоп принесли ягнёнка. Они зажарили его на вертеле. В это время из неприятельских окопов кто-то крикнул:

– Вы ещё не подошли с голода?!

Солдатик, бывший около ягнёнка, поднял его на палке и выставил наружу:

– А это вы нюхали?

– А ты угости!

– Приходи в гости, угостим...

Кругом смех.

Сербские окопы неглубокие и в них нельзя стоять во весь рост. Они доходят только до плеч.

– Нужно нагибаться, – острят солдаты, а то пулю проглотишь.

Бывают и более мирные сцены, разыгрывающиеся в этих узких канавах, в которых люди просиживают целые дни и ночи, топчась в ненастное время в грязи и промокая от дождя.

Конечно, и санитарное состояние этих ям не может внушить радости, но всё же откуда-то у этих страстотерпцев берётся веселье, и они порой ещё могут посмеяться, попеть песни.

Как-то среди солдат оказался один гуслиар – гусли в большом ходу у сербов, – но на них играют при помощи смычка. Гуслиар этот в одну из минут затишья заиграл сербские национальные песни. Вдруг «неприятель» кричит на чистейшем сербском языке:

– Играй шибче, чтобы и мы слышали.

Потом слышались заказы на разные песни, одинаково любимые и распеваемые по ту и по эту сторону Дрины и Савы. Создался какой-то незримый контакт.

– Мы забыли на мгновенье, говорит, улыбаясь, исхудалый, заросший бородой офицер, – что мы враги, что мы в окопах...

Рассказывают еще один случай. Вообще в окопах страшно бывают рады, если к ним забредёт человек не военный, а пришедший вольною волей.

– Было это ночью, – говорит маленький проворный капрал, – к нам взводный принёс бачок с «чорбой» (щами). По окопу – видите как близко, – он впотьмах потом спутался, зашёл к швабам. Идет себе – слышит, говорят по-сербски, значит, свои. Пришёл: «Добрый вечер!» Тут его и схватили. Это после мы от их пленных узнали...

Всё это мне рассказывается как курьёзный случай. Но, Боже мой, какая в этом ужасная трагедия. Это тот самый абсурд, который так невинно оказывается на славянских конгрессах, на которых славяне говорили между собой по-немецки! Но теперь этот абсурд доведен до Кошмара!

Однако пора уходить. Скоро истекает срок перемирия, и посторонним в окопах быть не позволяют.

Мы спускаемся по склону Гучевой горы, пробираясь по окопам, где нас приветливо и радостно встречают. Вдруг среди непрерывного гроыхания пушек над нашими головами раздаются своеобразные посвистывания:

– Сс!.. Сс!..

– Австрийские гости, – говорит мой спутник.

Действительно, через несколько секунд земля слегка вздрагивает от глухого удара; раздаётся короткий визг, и воздух наполняется жужжаньем. Это ударил недалеко австрийский бризантный снаряд.

Перемирие кончилось. Вот ещё свистит в воздухе, ещё и ещё... Земля вздрагивает, будто гигантские паровые молоты – один за другим – обрушиваются на нас. Вот на фоне прояснившегося неба сверкнул огонёк и пополз белый дымок, потом коричневый – и раздаётся гулкий треск.

– Шрапнель.

Но мы уже вышли из линии огня и приближались к сравнительно безопасному месту – к наблюдательному пункту, где находился командир пехотного полка, и командир дивизиона артиллерийского. Отсюда открывался вид на все позиции, и вся картина артиллерийского боя отлично видна даже простым глазом.

ИГРА В ШАХМАТЫ

Как ни покажется странным это название, иначе я не мог назвать артиллерийские поединки.

Командиры артиллерийских полков сидят на своих наблюдательных пунктах, как гигантские спруты, щупальцами которых служат бесчисленные телефонные провода. И вот два таких спрута сидят друг против друга на расстоянии нескольких километров и зорко следят друг за другом. При помощи тех же телефонных проводов щупалец – их глаза соединены с сотней глаз их помощников. Первые ходы обоих противников окутаны тайной – они явно демонстративные. Но и их учитывают, следят – не появится ли предательский дымок, что особенно заметно в дождливую погоду, или огонёк, если бой идёт ночью, следят ещё за тысячами разных мелочей, доступных только специалисту. Словом, щупальца

работают, тянутся во все стороны, как слепые.

– Нащупывают.

Но вот неприятельская батарея открыта, и пофыркивая и посвистывая несется туда снаряд за снарядом. Неприятельская батарея смолкает.

– Рокируется.

Опять тайна, опять нащупывание, опять рокировки и с той и с другой стороны...

Такое впечатление я вынес, наблюдая артиллерийский бой в течение многих часов, с того момента, как я поднялся на небольшой холмик, где меня радушно встретили командиры пехотного и артиллерийского полков г-н Милетич и г-н Пейович.

Этот наблюдательный пункт находится как раз в центре района военных действий. Слева от него мощным массивом тянулась Гучева гора с Чёрным Верхом, на котором засели австрийцы, втащив туда одно горное орудие. За этой горой протекала Дрина, и немного левее Черного Верха, за вершиной Эминэ-Води, на её берегах стоит австрийская твердыня – крепость Зворник. Вправо от Черного Верха за грядой холмов скрывается Лозница. На ближайшем холме в этом направлении, по сведениям полковника Гейтовуича, около мечети расположены две австрийские батареи – одна вправо от мечети, в небольшой рощице, другая слева, у трёх тополей. Ещё правее, по направлению к Лешнице, ещё одна батарея. Так определял открытые сербами батареи полковник Пейович, давая инструкции одному из многих офицеров. С правой стороны возвышался знаменитый Цер, а между ним и Гучевой горой – тянулась узкая Ядранская долина, сплошь изрезанная сербскими окопами. Таким образом, те позиции, на которых я находился, клином вдавались в линию расположения неприятеля.

– Пойдём выпьем кофе, – сказал мне полковник Милетич, приглашая подойти к небольшой землянке, где помещался телефон и где могли сидеть один-два человека. Солдаты поставили около

этой землянки несколько табуретов, и мы сели.

– А это что? – спросил я, указывая на прикрытия из хвороста, опоясывающие холм.

– Наши окопы. Они замаскированы, а, кстати, и от дождя защищены. Сейчас нам кофе подадут.

В это время над нашими головами всё чаще и чаще стал раздаваться знакомый звук летящего неприятельского снаряда, а справа, сзади и спереди вспыхивали еле заметные огоньки, ползли к небу белые столбы дыма вперемежку с коричневыми клубами, раздавался удар, жужжали осколки. Иногда взрывалось сразу по шесть, по двенадцать снарядов, отчего казалось, что невидимые паровые молоты бьют землю. Но страннее всего было то, что никого кругом не было видно. Стоят горы и холмы, тянулись леса, расстилались зелёные луга и лужайки; недалеко от нас кричала горлинка, а в небе спокойно кружились орлы. Порой казалось, что это сама земля лопалась и выбрасывала клубы дыма. А в землянке, у наших ног, сидел солдат с прикреплённым наушником, и всё время спрашивал:

– Что нового?

Ответы, а также запросы шли непрерывно. Иногда ими интересовались командиры, расспрашивали сами, давали приказания. Мы пили горячий кофе из маленьких чашечек, говорили о России, о разных событиях последнего времени, эти беседы, наполнявшие обычные разговоры на политические темы, которые ведутся в том или другом кафе, напечатляли момент обыденности, а не войну, тем более что очень легко и скоро привыкаешь к грохоту пушек...

Но вот над окопами, которые тянулись по склону Гучевой горы, снаряды начали хлопаться в таком количестве, что по земле стала стлаться бело-коричневая пелена, а вскоре и на фоне неба появились дымки. Взрывы превратились в сплошной гул.

– Вишь, амуниции не жалеют, – проговорил Милетич.

– А знаете, это они для куража своих, – пояснил Пейович, – всё лупят позади окопов, но батарей не находят. Мы снаряды экономим – ещё пригодятся.

В это время из телефонной землянки дежурный донёс:

– На батарее номер девять ранен подпоручик, кому передать его обязанности?

Командир распорядился и сердито добавил:

– В батарею, что под Чёрным Верхом, к Дрине, кота-250, четыре снаряда. Пусть замолчит, а то очень старается. Пустите два гаубичных больше не надо. Покажем, что мы их открыли...

Через несколько минут где-то недалеко от нас слышались глухие вздохи и задрожал воздух, и раздались характерные звуки:

– Фу-фу! Фу-фу!

Я только теперь понял, что это стреляют наши орудия. Я и раньше замечал эти тихие вздохи среди гула канонады, но не обращал на них внимания. Но вот фыркание снарядов мало-помалу стихло, и докатился издали глухой взрыв, и за нашими окопами сразу перестали лопаться гранаты и шрапнели. Офицеры рассмеялись:

– Ловко! Гостинец пришёл по назначению!..

Действительно, через несколько минут пришло донесение по телефону: «Посмотрач» заметил, что снаряд попал в батарею и что она рокируется». «Посмотрач» – это специальный наблюдатель, который выдвинут на километр или два перед батареей и корректирует ее стрельбу. Эффект был поразительный. Мне приходилось эту меткость сербских батарей наблюдать еще несколько раз и в других местах. В общем, они прекрасные артиллеристы, особенно ярко это подчеркивается беспорядочной, а порою прямо-таки сумбурной стрельбой австрийцев. После приведённого выше эпизода неприятель действительно ослабил

огонь, и в промежутки между взрывами ближайших снарядов стал слышен сильный гул из-за Гучевой горы, а на её хребте то там то сям в районе Эминэ-води появились белые облачка.

– Это наши снаряды?

– Нет, там наши позиции, а снаряды от Зворника австрийские.

Начало вечереть и небо зарумянилось,

– Что же, – спросил я, – вот австрийцы так засыпают вас снарядами – много жертв?

– Нет! Сегодня подпоручик ранен да человек десять в окопах, а ведь снарядов тысяч семь – восемь они сегодня выбросили. Они щедры, только мы их подарков не принимаем, а вот от наших – они отказаться не могут.

В это время около холма вынырнул какой-то старик в белой свитке и с длинными усами.

– Чего тебе тут надо?! – закричал на него полковник.

-К сыну иду, господин, дозвоьте. Буду век благодарить.

– А что с сыном-то?

– Ничего. Ранен легко, в окопах остался – так я к нему хожу. Воды несусь вот, табаку...

– Убьют. Нельзя.

– А может и не убьют?! Мало ли там наших сидит, сын там.

– Вот народ, – обратился ко мне полковник Милетич, – беда просто! Ну, иди! Эй, кто там, кто свободен, проводи старика, да чтобы сейчас же обратно шёл...

Старик ушёл с солдатом.

– Таких-то мало, – продолжал полковник, – не у всякого вблизи родственники окажутся, а вот с этими ничего не поделаешь –

здешние жители.

Он указал на группу мужчин и женщин, пробиравшихся по дороге около холма.

– Ничего не берёт, продолжал он, – сколько раз на венгерские патрули нарывались, сколько их убили – ничто не помогает. Лезут свой скарб доглядывать. Чуть потеснили швабов, так и они, как тараканы из щелей, ползут со всех сторон. А впрочем, не дай Бог никому, так как им приходится...

В горных местностях темнеет быстро, и уже слева на угасающем небе задрожала золотая Венера, а правее, невысоко над горизонтом, заблестел Юпитер.

– Вот ночью очень интересно, – сказал сопровождавший меня майор, – иногда всё небо в огнях пылает...

– А мы можем прийти сюда ночью?

– Нет, это невозможно. Ночью вы всё это увидите из штаба дивизии. Там есть холм около палатки Красного Креста – оттуда всё отлично видно.

Мы простились с обоими командирами и отправились в штаб.

– Постойте, постойте, - остановил нас полковник Пейович, – хотите нашу гаубичную батарею посмотреть. Она недалеко. Мы в честь гостя пустим оттуда снаряда два-три.

Я был тронут этой любезностью и последовал за полковником Пейовичем.

ГАУБИЧНАЯ БАТАРЕЯ

Когда мы спустились с холма и пошли к батарее, то она оказалась значительно дальше, чем можно было предполагать сначала. Пришлось обходить несколько холмов и делать зигзаги.

Батарея состояла из четырех орудий, помещённых в глубокой выемке позади небольшого возвышения. Орудия были помещены так, что могли обстреливать весь неприятельский фронт по дуге в направлении: Лозница – Лешница – Зворник.

Эта батарея прекрасно замаскирована и, несмотря на то, что ей уже не раз приходилось действовать против австрийцев, неприятель не знал до сих пор, где она находится. Действует же она главным образом тогда, когда враг идёт в атаку, а до поры до времени молчит, грозно поблескивая вычищенными частями. Когда мы вошли в углубление, сделанное для пушек, нас встретил молодой офицер во главе всей прислуги. Откозыряли и, исполнив все формальности, солдатики занялись своим делом. Некоторые, однако, видя посторонних, важно подошли к своим орудиям, любовно поглаживая их. Поглаживали, как поглаживает свою лошадку кавалерист.

– Вот они, какие наши «французы»! – с гордостью проговорил один из солдат.

– Что это значит – «французы»? – спросил я.

Полковник рассмеялся.

– Это наши ребята так пушки прозвали. У нас ведь они с французских заводов и система французская... Но особенно «французы» популярны в пехоте. Там о них говорят с нежностью. И как только мы в нужный момент заговорим отсюда, там крестятся и говорят: «Слава Богу, «французы» подспели!» Ну, хотите посмотреть, как действуют? Только уши заткните или вложите вату.

Мне было неловко.

– Стоит ли зря тратить снаряды?

– Один-два снаряда в счёт не идут при тысячах. Хотите шрапнель? Или бризантный?

– Бризантный.

Двое солдат вытащили снаряд и по знаку полковника поднесли его показать мне. Эти большие цилиндры с коническими головками и красиво раскрашенные я видел ещё под Адрианополем, откуда привёз несколько штук на память (конечно, пустых и, главным образом, от шрапнели, у которой слетает конус, а цилиндр остаётся). Потом снаряд этот вдвинулся в пушку, положили короткую медную гильзу в ладонь высоты и завинтили замок.

– Подожди, – сказал полковник приготовившемуся солдату, – мы отойдём и тогда я махну тебе рукой. Наведите на батарею слева от джалии (мечети).

Мы поднялись на холм перед батареей, полковник махнул рукой. В этот же момент меня положительно «ударил» воздухом, а моя офицерская фуражка сдвинулась мне на глаза. Будто какое-то чудовище «дыхнуло» на меня со всей силы своих лёгких, и сейчас же снаряд засверлил воздух:

– Фу-фу! Фу-фу!

Через несколько мгновений белое облако около мечети показало, что он пришёл послушно в то место, куда его послали. Правда, на этот раз выстрел этот не вызвал рокировки, но пришёлся довольно хорошо.

– Шрапнель на Чёрный Верх!

Опять быстрый ряд манипуляций, опять дохнуло чудовище и зафыркал снаряд, а над Чёрным Верхом, выделяясь на зареющем фоне неба пополз коричнево-белый дымок...

Темнело быстро, и мы с любезным полковником и его подчинёнными отправились в штаб дивизии, откуда в ту же ночь мне удалось видеть и слышать самое ужасное на войне:

– Ночной бой!

НОЧНОЙ БОЙ

Часов в девять вечера, когда мы сидели в докторской палатке за ужином, вдруг откуда-то прилетели странные звуки, прорвавшиеся сквозь гул усиливающейся канонады. Казалось, посыпался крупный и частный град и захлестал по полотнищам нашего убежища. В первый момент была полная иллюзия грандиозной грозы. Орудия гремели, как раскаты грома, на фоне непрерывной барабанной дробы от падающего града.

– Атака!

Мы вышли из палатки. В ночном воздухе отчетливо рассыпалась ружейная стрельба.

– Однако кончим ужин, – сказал доктор.

Мы снова вошли в палатку, но лица всех были встревожены.

– Так каждую ночь, – говорил сидевший против меня священник, – спим, не раздеваясь, лошади стоят наготове. Бог ведает, чем может кончиться...

После ужина мы вышли на открытое место, обходя смутно чернеющие то там, то сям австрийские окопы, всего неделю или две оставленные неприятелем. В это время ружейная пальба достигла апогея и гулко и отчетливо отдавалась под открытым небом, резала по нервам.

– Пачками стреляют, – сказал кто-то около меня в темноте.

А ружейная трескотня перекатывалась волнами, то подступая ближе, то опять отдаляясь. Ночь была тёмная, но тихая, ни дуновения ветерка. Мы шли, поднимаясь на холм, а кругом обступали нас старые огромные деревья, стоявшие жуткими чёрными группами. Было холодно, и неволью жуткий холодок заползал в душу. Оттого что я ничего не видел, ничего не знал, что там происходит, а был в прямом и переносном смысле во мраке, всё принимало угрожающий вид. Всем существом, почти

физически, чувствовалась надвигающаяся опасность. Охватывала нервная дрожь, хотелось что-нибудь делать, не стоять так просто – сбросить этот ужасный гнёт пассивного ожидания. Я только теперь понял, почему в бою не так страшно. Там человек всецело захвачен своим делом. Я понял, почему полки, стоящие в резервах, так рвутся в бой. Быть только зрителем – это невыносимо тяжёлое состояние. Наконец мы вышли на такое место, откуда перед глазами развернулась панорама боя. Всё небо и земля были в мгновенно вспыхивающих и гаснущих огнях. Это был какой-то ад. Казалось, среди этих огней дрожит и клоочет растерзанный мрак, как первобытный хаос. Это был гигантский фейерверк, только взрывающиеся гигантские ракеты кроваво-красного цвета, посылали вниз не безобидные разноцветные звёздочки, а дождь свинцовых пуль...

Мы стояли как очарованные, не будучи в силах оторваться от этого страшного, но и красивого зрелища. В то же время торопливая нервная трескотня ружей не даёт ни минуты покоя, она дёргает, треплет нервы. Иногда ружейный выстрел или разрозненный залп раздадутся совсем близко, совсем рядом, и эти неожиданные звуки, как ножом, ударяют в сердце. Это стреляют в ближайших окопах и, очевидно, невольно, так чтобы стряхнуть эту тоску неизвестности, тоску трепетного ожидания. Но вот вдруг раздалось какое-то отвратительное скрежетание.

– Пулемёты.

Растёт и разливается во мраке:

– Та-та-та-та...

Нервы напрягаются, кажется, вот-вот не выдержишь! Но ещё ужаснее те моменты, когда вдруг наступает затишье и издалека, чуть слышно прокатится:

– У-у-а-а!..

Это пошли в штыки, и сербские войска кричат «ура». Потом настаёт томительное невыносимое молчание – только там и сям,

где должны быть окопы, вспыхивают огоньки и гулко бухают ручные бомбы. Шум борьбы не достигает слуха, но ужас от этого не меньше.

– Чья возьмёт? Кто кого теснит?

Эти вопросы сверлят мозг и от них, как от жестокой зубной боли, захватывает дух. Но вот опять затрещали ружья, забухали пушки, опять небо засверкало огнями шрапнелей. Все свободно вздыхают. Ясно, что была атака австрийцев, так как они засыпали снарядами, но, слава Богу, отбита. Вот мало-помалу стихает и ружейная трескотня, одни пушки продолжают гроыхать, но это уже не страшно. К этому рёву, несущемуся с гор от зари до зари, все давно привыкли. Это уже кажется – нормальным.

Мы расходимся по палаткам, пожелав друг другу доброй ночи. Утомлённый и измученный массой тяжёлых впечатлений, я ложусь, не раздеваясь, на больничную койку и моментально засыпаю. Но в течение ночи приходится не раз просыпаться от ужасного скрежетания пулемётов.

– Было ещё четыре атаки.

Когда я узнал об этом, мне вспомнился один из полков, размещённый недалеко от штаба «на одмор» (отдых). Когда мы подошли к этим палаткам, к нам навстречу вышли два офицера.

– Вот их всего осталось от полка, – сказал сопровождающий меня майор, – и триста пятьдесят нижних чинов.

И теперь после этой жуткой ночи к нашим палаткам Красного Креста стянулись двуколки с тяжелоранеными, шли легкораненые...

– Хотите зайти к раненым? – спросил меня доктор. – Там есть две женщины, попавшиеся венгерскому конному патрулю...

Я пошёл. Вообще посещать раненых – дело тяжелое и, пожалуй, ненужное, но мне хотелось убедиться в тех зверствах австрийцев, о которых я так чудовищно много слышал, и я пошёл.

В главной палатке почти в середине, лежала молодая женщина с зелёным, осунувшимся лицом, а рядом с ней лежала девушка лет пятнадцати-шестнадцати с забинтованной головой. Они страшно заволновались, когда узнали, что пришёл посторонний. После я узнал, что их изнасиловали венгерцы, и они стыдились своего позора.

– Вот у неё распорота вся щека ножом (у австрийцев вместо штыка – нож), а эта ранена в бок и кроме того распороты обе груди...

Но я не мог больше рассматривать раненых и поспешил выйти.

Перед моими глазами восставали все ужасы, каким обречена эта маленькая страна, уже вся залитая кровью своих доблестных сынов, и мне захотелось уйти дальше от этого кровавого кошмара.

Я решил ехать обратно, ехать скорее, как можно скорее. В этот же день я выехал с позиций, и с каждым километром какая-то тяжесть спадала с души и в то время думалось: «Вот я, счастливый, свободный, могу ехать, а они, эти безвестные герои, сидят там целый месяц среди всех ужасов и, кто знает, сколько времени просидят ещё»...

И моё сердце сжималось, когда по дороге мелькали опять группы могилок с деревянными крестами. Благоговейно-почтительное чувство охватывало душу и хотелось снять шляпу и до земли поклониться этим сирым героям, великим страстотерпцам за благо сербского народа.

ВЕРУС

При подготовке материала использованы материалы РГАЛИ: Ф.585. Оп.1. № 23, 32, 33, 34, 36, 37, 44, 61,65, 77, 97, 98, 99, 101; Оп. 2. № 12, 76 (фото), 77.

Публикация В.А. СЕРГАНОВОЙ

* В 2007 – 2010 гг. были опубликованы мною (В.А.Сергановой)

пять материалов, приоткрывших жизненный путь этого необыкновенного человека, см. «Московский журнал». 2007. №11; «Аграрная Россия». 2007. №5; «Роман – журнал XXI век». 2008. №1; 2009. №1-2; 2010. №11-12.